

Пролог

Дом Пэкхемов, Лондон. Март 1827 года

— А вот и главная распутница высшего света!

Оскорбительная реплика прозвучала в тот редкий момент затишья, какие иногда случаются даже в переполненном бальном зале. Как и остальные гости, собравшиеся в доме лорда Пэкхема этой удивительно теплой весенней ночью, сэр Ричард Хармзуорт вытянул шею, чтобы посмотреть на того, кто произнес эти дерзкие слова, и — что еще любопытнее — на ту, кому они были адресованы.

Высокий рост позволял Ричарду смотреть поверх голов, и он быстро вычислил участников конфликта. Проклятье, кое-кому снова захотелось публично потряхнуть его грязное семейное белье!

Прямо у входа в зал светловолосый юнец высокомерно смотрел на красивую немолодую женщину с темными волосами. На мгновение губы женщины дрогнули в презрительной усмешке, а затем на ее лице возникло прежнее безмятежное выражение. И хотя Ричард не узнал наглеца, зато с объектом оскорбления был прекрасно знаком.

Леди Огюста Хармзуорт, его дорогая мать.

Ричард соорудил ставшую привычной дружелюбную гримасу, словно небольшой скандал в высшем свете не

4   касался его лично, и направился к дверям, хотя внутри у него все сжалось от едва сдерживаемой ярости. Увы, скандал, опорочивший имя матери, разразился тридцать два года назад, поэтому теперь оставалось лишь мириться с его последствиями.

Жадная до сплетен толпа расступилась перед ним, как морские воды перед Моисеем. Десятки взглядов жгли ему спину. Конечно, Ричард, привлекательный внешне и всегда одетый по моде, привык к вниманию толпы. Однако сегодня это внимание не вызывало в нем приятного отклика. Высший свет всегда знает, когда пахнет жареным. Ричарду же предстояло потушить огонь, прежде чем он разгорится.

Краем глаза он заметил своего лучшего друга — Кэмерона Ротермера герцога Седжмура, также торопившегося к дверям. Затем Хармзуорт вновь нашел взглядом свою мать. Они не виделись лет пять, а она совсем не постарела. «Что ж, видно, грех добавляет красоты чертам», — кисло подумал Ричард.

— Советую воздержаться от оскорблений, Колби, — заявил лорд Бенчли, один из преданных поклонников леди Огюсты. Он окинул юнца насмешливым взглядом. — Играйте, да не заигрывайтесь.

Теперь Ричард узнал светловолосого денди. Лорд Колби, недавний выпускник Кембриджа, был новичком в светском обществе. Весьма хорош собой и самоуверен, но леди Огюста смотрела на него, как на пустое место. Хотя ей нравились красивые мужчины, она предпочитала общество более опытных и благородных, таких как лорд Бенчли. Ходили слухи, что он когда-то был удостоен чести делить с ней ложе.

Не то чтобы Ричард собирал сплетни о своей матери, но только глухой не слышал о ее якобы многочисленных любовных похождениях. Сын делал вид, что ему нет дела до интрижек вдовствующей леди Хармзуорт, однако каждая сплетня бросала тень и на его имя.

— На выручку блуднице явился ее ублюдок, — процедил сквозь зубы Колби. Впрочем, его голос звучал уже не так дерзко, когда подошел Ричард.

Толпа качнулась в едином вдохе, полном ужаса и восхищения. Стихла музыка. Долговязый приятель Колби схватил его за руку.

— Заткнись, Колби! Хармзуорт — отличный стрелок. Нарвешься на пулю в дуэли!

Колби поник. Оказавшись рядом, Ричард убедился, что молодой лорд выглядит изрядно напуганным — инцидент не перерастет в скандал. Пусть так, но давний скандал в очередной раз выплеснулся в это грязное слово «ублюдок».

— Добрый вечер, мама. Ты всегда умела эффектно появляться в обществе, — сухо произнес Ричард, намеренно игнорируя Колби.

Перетрусившего скандалиста можно было не опасаться. Нетрудно было замять неприятную сцену. Куда сложнее было унять клокотавшую внутри Ричарда злость.

Зная, что за ними следят десятки глаз, Ричард прильнул губами к руке матери в знак приветствия. Нельзя было пренебрегать традициями, давая повод для криво-толков.

Леди Огюсте было чуть сложнее скрывать свои эмоции, хотя за три десятка лет можно было привыкнуть к жестокости толпы. Возможно, причиной ее волнения была встреча с сыном после долгой разлуки. Ричард гадал: что заставило мать приехать сюда? Несколько секунд она почти бесстрастно смотрела на сына, затем ее губы изогнулись в улыбке. Такая улыбка неизменно сводила мужчин с ума. Жертвой ее, похоже, когда-то стал и отец Ричарда.

Злые языки поговаривали, что леди Хармзуорт обрюхатил конюх, пока ее муж, барон Лестер, находился с дипломатической миссией в России. Когда сэр Лестер

6   вернулся после шестнадцати месяцев отсутствия, он принял младенца как своего сына и наследника, ни разу не упрекнув жену в прелюбодеянии. Общество кипело мерзкими сплетнями, но сэр Лестер объявил Ричарда следующим баронетом.

— Зато там, где я, нет места скуке, — откликнулась леди Огюста.

Ричард вскинул бровь и едва заметно улыбнулся, хотя ярость продолжала бурлить в его крови. Со школьных лет он страдал от насмешек сверстников и едва скрываемого презрения их родных. Гордость, возможно, научила его скрывать обиду, но не помогала смягчить ее.

— С этим не поспоришь, — согласился Ричард.

— Леди Хармзуорт, рад вас видеть! — Кэмерон наконец пробрался через толпу.

— Ваша светлость. — Ее изящный реверанс был воплощением достоинства.

Да, Ричарда многое раздражало в матери, однако он глубоко уважал ее мужество и силу воли. Он знал, как трудно держать голову высоко, если тебя презирает свет.

— Вы решили слегка взбаламутить тихие воды этого омута? — негромко спросил Кэм. — Могу я пригласить вас на танец?

Леди Огюста кивнула и с усмешкой обратилась к Ричарду:

— Мой дорогой сын, неужели ты поспешил ко мне, желая защитить мою честь, и даже собирался сразиться на дуэли? Но ведь я и честь — понятия несовместимые.

В ответ на это заявление за спиной Хармзуорта раздался тихий шепот. Ричарда и бесило, и восхищало это желание матери вновь и вновь бросать вызов благопристойному обществу. Они были похожи в том, что использовали невозмутимость и холодную уверенность, чтобы дать отпор чужой дерзости.

По лицу Ричарда не пробежало и тени.

— Я не стреляю в незрелых юнцов, сколько бы шерри они ни выпили, — небрежно ответил он, зная, что Колби передернет от этой фразы.

Приятель Колби вцепился в рукав его сюртука.

— Будь благоразумен, — прошептал он другу. — Ты еще легко отделался! Давай уйдем.

— Ладно, уйдем... — Колби мрачно посмотрел на Ричарда. — Мне нечего делать там, где принимают нечестивых дам и... и их отпрысков. Даже носи кто-то из Хармзуортов драгоценную фамильную подвеску, и она не сделала бы его достойным приличного общества. Рожденный в грязи и умрет в грязи.

Голос Колби, испуганного собственной дерзостью, был едва слышен, однако толпа подалась вперед, словно болото, готовое затянуть любого в свою трясику.

У Ричарда перехватило горло. Проклятый идиот! Желание уложить глупого щенка одним ударом металось в голове, но он заставил себя презрительно ухмыльнуться в лицо обидчику. Пропавшая подвеска, древняя реликвия Хармзуортов... Господи, да никто не видел эту подвеску со времен войны Алой и Белой розы! Поразительно, что Колби вообще знал о существовании драгоценности, владеть которой может только истинный наследник рода Хармзуортов. Подвеска была утрачена для семьи вот уже более пятидесяти лет.

— Вы сказали «нечестивых дам»? — Внезапно совсем рядом раздался серебристый смех леди Огюсты. — Ах, дорогой сэр Колби, и где вы набрались таких выражений? Неужели у вашей почтенной матушки?

— Забудьте об этом школяре, леди Хармзуорт. — Кэмерон Ротермер герцог Седжмур сделал шаг вперед, оставив Колби за своей широкой спиной. — Итак, танец? — Он подал сигнал оркестру, как будто именно он, а не лорд Пэкхем был хозяином дома.

Зазвучал вальс. Кэмерон и леди Огюста направились в центр зала как царственные особы — толпа молча рас-

8 ступилась перед ними. Ричард мысленно поблагодарил своего друга, не первый раз выручавшего его в сомнительных ситуациях. С изрядным разочарованием приглашенные разошлись по залу. В очередной раз семья Хармзуортов сохранила свое достоинство.

— Я настоятельно рекомендую вам увести своего друга, — посоветовал Ричард приятелю Колби.

Как же он устал от всего этого! От презрения толпы. От собственного притворства. Разве оскорбления не ранят и не мучают его? От необходимости расплачиваться за чужой грех. А более всего от того, что он был ублюдком, носившим имя барона Хармзуорта.

Ярость у Ричарда внутри внезапно остыла и налилась свинцом. Он должен найти эту чертову фамильную подвеску! Он превратит ее в булавку для шейного платка. Ричард будет нести ее на себе как флаг победы, заставляя всех и каждого признать в нем истинного наследника барона Лестера. И пусть он не чистокровный Хармзуорт, но он — будущий барон. А с семейной реликвией в булавке никакой Колби не посмеет дерзить ему в глаза или за глаза. Ни один человек на свете не назовет его ублюдком.

Глава 1

Литтл-Деррик, Оксфордшир. Сентябрь 1827 года

— Проклятье! — раздался приглушенный мужской голос откуда-то снизу.

Глухой стук, сопровождавший ругательство, заставил Дженевив проснуться. Ей понадобилось несколько долгих секунд, чтобы понять, что она задремала, положив голову на письменный стол в своем кабинете. Свечи погасли, и только в камине еще тлели угли. В их слабом мерцании, затаив дыхание, девушка наблюдала, как темная фигура проникла в кабинет, подошла к окну и потянулась к подсвечнику на подоконнике, заслонив собой звездное небо. Страх сковал Дженевив.

Страх... и возмущение! Кто это смеет ломиться в ее дом? Это почти оскорбительно. Викарий, отец Дженевив, и тетя Люси уехали в поместье герцога Седжмура, куда были приглашены на торжественный ужин. Герцог почти не бывал в столь удаленном уголке своих обширных владений, поэтому все соседи жаждали его увидеть. Дженевив тоже была приглашена, но решила остаться дома и заняться важными исследованиями. Она даже служанку в этот вечер отпустила.

Человек у окна стоял неподвижно, будто стараясь убедиться, что комната пуста, прежде чем начать свое темное дело. Казалось, он напряженно прислушивается.

10 Затем абрис плеч на фоне окна опустился — мужчина шагнул к камину.

Из своего уголка Дженевив наблюдала, как незнакомец поднес огарок свечи к углям. Что ж, очень скоро наглец убедится, что рано потерял бдительность.

Девушка нащупала ручку второго ящика стола и открыла его, не беспокоясь о шуме. Рукоятка пистолета легла в ее ладонь. Злоумышленник резко обернулся. Дженевив вскочила на ноги, вышла из-за стола и кивнула мужчине с невозмутимостью, которую на самом деле не чувствовала.

— В этом доме нечего красть. Я дам вам возможность просто уйти.

Мужчина вовсе не бросился прочь из комнаты. Он неторопливо поднял свечу, чтобы осветить Дженевив. Его лицо было скрыто черной шелковой полумаской, какие носят на костюмированных балах.

— Если здесь нечем поживиться, что же вы защищаете с пистолетом в руке?

Рука Дженевив чуть дрогнула.

— Дом стоит на краю деревни. Пистолет в любом случае не лишний. Вы думали, дом на окраине — легкая добыча? — Она подозрительно прищурила глаза. — Вы... вооружены?

Незнакомец поджал губы, как будто вопрос его оскорбил. Чтобы продемонстрировать благие намерения, он показал открытые ладони.

— Разумеется нет, милая леди.

Станный это был грабитель. Конечно, знания Дженевив о воровском мире были невелики, но ее поразило не столько спокойствие, сколько обходительность грабителя. Он изъяснялся как джентльмен и, казалось, не особенно беспокоился, что у нее в руке пистолет.

— Нет? При вашей работе вы должны предположить сопротивление со стороны ваших жертв.

— Я всегда проверяю, чтобы дом был пуст, прежде чем начинаю... работать.

— Как сегодня, например, — холодно бросила девушка.

Грабитель пожал плечами.

— Даже лучшие в моем ремесле могут допустить ошибку, мисс Барретт.

У нее перехватило дыхание. На смену волнению пришел ужас.

— Вам известно мое имя?

Губы мужчины дернулись — он сделал шаг вперед.

— Не подходите! — вскрикнула Дженевив. Ей казалось, будто сердце бьется так громко, что незнакомец вот-вот его услышит.

Мужчина поднял свечу выше и поводил ею из стороны в сторону, рассматривая Дженевив. Она против воли сделала крохотный шагок назад. Ощущение нереальности происходящего все усиливалось, словно родной дом стал ей чужим.

Маленькая комната со старинным столом, уставленным милыми сердцу мелочами. Стопка исписанных страниц ее статьи. Угольки в камине. Легкая занавеска на окне... Все было, как всегда, за исключением высокого мужчины в полумаске, со снисходительной улыбкой наблюдавшего за прыгающим в ее руке пистолетом. Чутье подсказывало девушке, что незнакомец не только не взволнован, он... развлекается!

Дженевив впиалась взглядом в прикрытое черной тканью лицо грабителя, пытаясь угадать, как он выглядит без маски, но тщетно: стоит незнакомцу раствориться в ночной тьме, и она никогда не сможет описать его властям. Мало толку в таких приметах, как светлые волосы, белый ворот рубашки, бриджи и ботинки — простые, но хорошего качества, говорившие, пожалуй, о вкусе хозяйина. И хотя Дженевив не могла полностью видеть его лицо, расправленные широкие плечи, манера держать-

12   ся подсказывали ей, что мужчина весьма уверен в себе.

Очень странный грабитель.

— Талантливый вор тщательно изучает своих жертв, — ответил он на вопрос, о котором она успела забыть. — Но, увы, у всех бывают промахи. По слухам, сегодня вечером вы должны были присутствовать на ужине в Лейтон-Корте.

— Я собиралась... — Дженевив осеклась, сообразив, что не обязана давать объяснений. Рука с оружием устала, и дуло постепенно клонилось вниз, к полу. Она прикусила губу и махнула пистолетом в сторону двери. — Убирайтесь из моего дома.

— Но я не получил того, за чем пришел. — Незнакомец сделал еще шаг вперед, заставив девушку отступить.

Внезапно ей стало совсем жутко. Во всем доме были только они двое: сильный мужчина с дурными намерениями и слабая напуганная девушка. Больше не в силах храбриться, Дженевив отпрянула назад и, защищаясь, ткнула пистолетом мужчине в грудь.

— Немедленно убирайтесь, или я буду стрелять!

Его сжавшиеся губы ясно дали понять, что для вора не так уж сложно нарушить правила приличия.

— Дорогая... — процедил он сквозь зубы.

Дженевив словно пробудилась. Как она, державшая в руке пистолет, позволила безоружному грабителю зайти так далеко?

— Я вам не дорогая, — прошипела она.

Словно признав ее победу, мужчина поклонился.

— Как вам угодно, мисс Барретт. Я не сделал вам ничего плохого. Это вы, угрожая мне пистолетом, ведете себя не слишком учтиво.

— Вы вломились в мой дом, угрожали мне... — Она так удивилась, что едва не рассмеялась.

— До сих пор, — перебил ее грабитель, — только вы угрожали мне.

— Намерение обокрасть честных людей — угроза имуществу, — торжествующе сказала Дженевив.

Выразительный рот мужчины изогнулся в улыбке.

— Ваша взяла. Я покину ваш дом, как вы того требуете.

— Отпусти я вас — вы найдете себе другую жертву! — Теперь, почувствовав себя более уверенно, Дженевив крепче сжала пистолет и даже подалась вперед, заставляя грабителя отступить. — Я запру вас в подвале и вызову служащего магистрата.

— Это весьма жестоко с вашей стороны, — ухмыльнулся мужчина. — Я не люблю темные мрачные помещения.

— В таком случае вы выбрали неподходящее ремесло. Однажды вас все же поймают и заключат в темное мрачное помещение.

— И вы думаете, этим смельчаком будете вы? — Внезапно, словно позабыв о пистолете, незнакомец снова сделал шаг вперед. — Не могу поверить, что подобное злодеяние вы совершите с легким сердцем.

Дженевив, отступая, прижалась к письменному столу и еще выше вскинула пистолет, сжав его двумя руками. Ставшие влажными пальцы скользили по металлу.

— Прочь! Или, клянусь, я стреляю!

Мужчина неторопливо поставил свечу на стол рядом с ней и покачал головой. Пистолет упирался ему в грудь, но это, казалось, ничуть его не беспокоило. Сейчас между ним и Дженевив не было и трех футов.

— Выстрелив в меня, мисс Барретт, вы испачкаете кровью ковер.

— Я... — Голос ее сорвался.

И в этот момент грабитель стремительно схватил ее руку, державшую пистолет. Молниеносное движение — и пистолет был отведен вниз, а сильное мужское тело прижало Дженевив к письменному столу. Она не выпу-

14 скала оружие, но не могла и высвободить руку из стальных тисков его пальцев.

Он усыпил ее бдительность, говорил так небрежно, даже шутил! Ужас захлестнул девушку с новой силой. Зачем она вообще вступила в диалог с этим негодяем? Уверенная в своей безопасности, она совершила оплошность. Один бог знает, что теперь будет делать этот опасный человек.

— Отпустите меня! — Вместо резкого тона из ее горла вырвался жалобный писк.

Стальные пальцы лишь усилили хватку на запястьях. Дженевив была высокой и гибкой, но незнакомец был сильнее ее в несколько раз. К тому же он находился так близко, что она чувствовала его тревожащий запах, и это пугало ее еще сильнее.

— Будьте благоразумны, мисс Барретт. Даю слово, что я не причиню вам вреда.

— Тогда отпустите меня! — Она часто дышала. Несколько непослушных локонов выбилось из прически. Зрачки были расширены.

— Отдайте пистолет.

Дженевив попыталась высвободить руки, но тщетно.

— Если я отдам пистолет, то буду совершенно беззащитной, — простонала она.

Незнакомец рассмеялся.

— А разве сейчас вы не беззащитны, мисс Барретт? — вкрадчиво прошептал он.

От этого интимного тона волосы на шее Дженевив встали дыбом. Она снова принялась вырывать руки. Словно устав от этой возни, незнакомец легко разжал ее пальцы и забрал пистолет. Затем он быстро положил его на стол и вновь перехватил оба ее запястья.

— Я закричу!

— Никто не услышит, — произнес грабитель небрежно, и в этот момент она возненавидела всем сердцем эту его самоуверенность.

— Я презираю вас, — прошипела Дженовив, пытаясь освободиться. Сердце ее бешено колотилось от испуга и гнева. Глупая девчонка, не сумевшая взять верх над мужчиной, даже имея пистолет в руках.

— Думаю, я смогу с этим жить. — Он еще сильнее прижал ее к столу бедрами, и она ощутила обжигающую волну, прокатившуюся по ее телу. Этот запах — свежий, с оттенками трав...

Зная, что ничего этим не изменит, Дженовив попыталась пнуть негодяя. Все, чего она добилась, была заведенная за спину рука, лишившая ее возможности двигаться. Покачав головой, мужчина подтолкнул ее к камину, а затем к двери в кладовую. В замке торчал ключ. Сообразив, что он задумал, Дженовив изо всех сил наступила ему на ногу каблуком.

— А у вас боевой нрав, — буркнул незнакомец, скривившись. Уже не слишком церемонясь, он распахнул дверь кладовой и толкнул ее внутрь, продолжая выкручивать руку.

Дженовив буквально накрыло волной тонкого аромата, исходящего от грабителя.

— Не смейте закрывать меня в кладовой! — почти простонала девушка.

— Вы не оставляете мне выбора, мисс Барретт, — раздался бархатный голос у нее над ухом.

От этого по ее телу побежали мурашки. Ей хотелось чувствовать гнев, но вместо этого внутри расходилось странное волнение. В какую немыслимую ситуацию она попала!

Внезапно человек в маске коснулся пальцами щеки Дженовив, застыл на пару секунд, а затем мягко оттолкнул ее от себя. Дженовив качнулась вперед и едва удержалась на ногах. Беспомощно взмахнув руками, она уцепилась за ручку серванта и потеряла драгоценные мгновения, которых злоумышленнику хватило, чтобы

16 захлопнуть дверь кладовой. И тотчас раздался звук поворачивающегося в замке ключа.

— О нет! — воскликнула Дженевив в отчаянии. — Не вздумайте шарить по дому! — Она развернулась и заколотила кулаками в дверь. Какое там! Дубовые двери дома викария могли выдержать и не такой натиск. — Вы не посмеете!

Задыхаясь, Дженевив замерла и прижалась ухом к двери, отчаянно пытаясь расслышать хоть какой-нибудь звук. Она уловила удаляющиеся шаги: грабитель шел к входной двери. Он что, передумал? Но зачем ему бросать начатое теперь, когда хозяйка дома заперта в кладовой?

Девушка сжала кулаки и зажмурилась. Как легко он ее перехитрил! И эта внезапная ласка, обезоруживающее касание его ладони, вызвавшее бурю незнакомых эмоций. Лучше всего их было назвать... неуместными. Неподобающими.

Даже с оружием в руках Дженевив ощущала себя слабой и незащищенной рядом с этим человеком. А оказавшись в его руках, и вовсе превратилась в испуганную овечку. И вот результат ее слабости: заперта в кладовой до приезда отца и тетки, а грабитель, возможно, выносит из дома ценности. Один бог знает, сколько ей придется сидеть в темноте и гадать, какая участь постигла столовое серебро. А ведь преподобный Эзикиел Барретт дорожил семейным комплектом. Может, попытаться выбраться через окошко под потолком, пробраться по карнизу, залезть в окно кабинета?

Дженевив почувствовала, как на глаза набежали слезы. Странно, но она все еще ощущала тепло мужского тела, к которому была прижата против воли. Как будто незнакомец продолжал прикасаться к ней. Теперь воспоминание о подобной близости не пугало ее: если бы грабитель хотел причинить ей боль, то он мог сделать это в любой момент. Скорее, Дженевив было горько. Незна-

комец не навредил ей, а она даже с оружием в руках не смогла его задержать. Глупая, жалкая курица! Она могла прогнать его, могла передать властям...

Из-за двери не раздавалось ни звука. Что он там делает? Шарит по шкафам и сундукам? Щурясь в полумраке, Дженевив обернулась к массивному бюро у окна и возблагодарила Господа: единственный подлинно ценный предмет остался не замеченным воров. Может, грабитель и был хитер, но потерял бдительность, пытаясь избавиться от свидетеля. А не заметить драгоценную вещь было сложно: золотая цепочка с подвеской лежала на бархатной салфетке на бюро и притягивала взгляд даже в слабом свете, льющемся из узкого окна.

Что-то с глухим стуком упало у открытого окна. Дженевив бросилась к прямоугольнику света — это был ключ. Не веря своим глазам, она подняла ключ с ковра. За окном раздался негромкий удаляющийся свист. Знакомая мелодия, похожая на «За холмами и долами». Вор уходил прочь по садовой дорожке.

И снова его уверенность в собственной неуязвимости поразила Дженевив. Через полминуты ночь проглотила остатки звука. Пожав плечами, девушка вставила ключ в замочную скважину и медленно повернула. Открыв дверь, она осторожно выглянула из кладовой. В кабинете никого не было. Как будто никто не вторгнулся вероломно в ее дом и не вел себя так дерзко!

Лишь тонкий аромат трав все еще витал в воздухе.
Лимонная вербена.

Глава 2

Ричард сделал глоток бренди и положил голову на спинку кожаного кресла в библиотеке Лейтон-Корта.

Он заслужил порцию хорошего алкоголя: не так уж часто приходится вламываться в чужой дом под видом грабителя в маске. Черная шелковая тряпица валялась